

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Затерянный в толпе

— Что-нибудь экстраординарное?

— Да как вам сказать... — Доктор Атта пожал плечами. Осторожно поднял бокал, отпил половину. — Да как вам сказать... Я ведь, собственно, не психиатр, я ларинголог, а горло у него было в полном порядке... (Гость вежливо улыбнулся.) В общем, сильное расстройство нервной системы... полная потеря памяти, речи... Нарушена координация движений — знаете, эдак заплетается на ходу, не сразу соображает, какой рукой взять что-нибудь, иногда сидит минут пять, не может встать — забывает, как... Одним словом, даже мне ясно — здесь пока нечему удивляться.

Гость согласно кивнул головой и сказал:

— Я видел случай более оригинальный. Помню...

— Да-да, простите. Я еще не кончил. Дело, конечно, не в этом. Знаете ли вы его историю? Как он попал к нам?

— Кое-что слышал об этом, безусловно... Не уверен, правда... Это не в связи с катастрофой в Институте Сверхчастот?

— Да. Он был там швейцаром. Владислав

Дьед — швейцар. В соседней лаборатории, где стоял новый генератор Ста — вы помните Ста, эдакий худощавый злобный мужчина? — так там лопнул какой-то баллон и произошло что-то вроде замыкания. Никто не пострадал — подождите, не перебивайте, я знаю, что вы хотите сказать, — никто не пострадал, потому, вероятно, что лаборанты в это время сидели в столовой. Возвращаясь оттуда, они заметили только, что Дьед мирно дремлет в своем кресле у подъезда... В лаборатории же, конечно, вонь, гарь, валяются горелые провода... Все, впрочем, оказалось, в общем, в порядке — да не перебивайте же. Ребята бросились прибираться и вдруг слышат — звенит бьющееся стекло. Выглянули в коридор — бедняга Дьед стоит белый как бумага, плотно прижавшись к стене... Глаза выкачены, руки в крови висят как плети... Рядом — огромное зеркало разбито вдребезги. Увидел людей — шарахнулся в сторону, налетел на колонну, упал, пытался уползти. Тут его и схватили. Привезли к нам в клинику, а у нас, разумеется, нет психиатрического отделения — откуда ему быть? — психиатра тоже нет, а ближайший теплоход с Большой Земли приходит через полмесяца... Но был у нас, правда, один врач-терапевт, молоденький парнишка, но великая умница, чертовски талантливый, упокой, Господи, его душу, как говорится...

Гость удивленно поднял брови, хотел что-то сказать. Атта опередил его:

— Да-да, это то самое, о чем вы порывались все время спросить. Взрыв, о котором все — и вы в том числе — знают. Разворотило весь Восточный корпус. Погибло человек пятнадцать — сам Ста, его лаборанты, этот парнишка-терапевт — звали его Авеесве, Артур Авеесве, Арчи, — и еще куча народу. Все, кто находился в лаборатории, в коридоре, на лестнице... В том числе, между прочим, новый швейцар. Беднягу обожгло радиацией — живого места не было...

— О, так вашему пациенту повезло! Вот уж воистину не знаешь, где найдешь, где потеряешь... Но вы говорили что-то о враче-терапевте...

Атта допил вино, кивнул и устроился поудобнее в кресле.

— Артур сказал, что давно увлекался психиатрией и что он возьмется если не лечить, то, по крайней мере, следить за больным. До чего же умный был парнишка! Знаете, я уже не молод, то, что называется старый опытный врач, — ergo скептик и все такое, но он умел увлечь меня... Он находил проблемы там, где все было вроде абсолютно ясно, а из каждого белого пятна вытягивал дюжину хитроумнейших гипотез, предусматривающих результаты всех возможных экспериментов — и невозможных тоже, — на